

А. Орасов

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ
ИМ. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

ИТОГИ ПОЛЕВЫХ РАБОТ ИНСТИТУТА
ЭТНОГРАФИИ В 1970 ГОДУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"
Главная редакция восточной литературы

Москва 1971

МАТЕРИАЛЫ ПО СКОТОВОДСТВУ У НАСЕЛЕНИЯ
ЮЖНОГО ТАДЖИКИСТАНА И ЗАПАДНОГО ПАМИРА.

Сельское хозяйство (в том числе и скотоводство) народов Таджикистана в общем уже освещено в этнографической литературе. Однако в собранных сведениях есть и существенные пробелы. Одной из задач работы Памирского отряда Среднеазиатской экспедиции Института этнографии АН СССР (начальник отряда Л.Ф.Моногарова) был сбор некоторых дополнительных материалов по скотоводству таджиков и узбеков-локайцев бывшего Кулябского бекства и припамирских народностей высокогорных долин Западного Памира. Собранных материалов позволяет отметить различия и найти общее в типах скотоводства таджиков кишлаков Муминабадской и Ховалингской групп, полукочевых узбеков (в частности, локайцев) и припамирских народностей, живущих в высокогорных долинах Западного Памира.

В конце XIX - начале XX вв. таджики Муминабадской и Ховалингской групп кишлаков занимались и земледелием, и скотоводством. Таджики разводили овец, коз, крупный рогатый скот, ослов, лошадей для верховой езды.

В бывшем Кулябском бекстве социальное положение данного хозяйства определяло и место, отводимое в нем скотоводству. Богачи имели и много пахотных земель, и много скота, особенно овец. Некоторые из байских хозяйств занимались уже и товарным скотоводством. Они нанимали чабанов, преимущественно узбеков (чаще всего карлуков или локайцев).

Скотопрогонные тропы шли через Бальджуан и Ховалинг (и в настоящее время из Муминабада скотопрогонные пути идут по традиционным маршрутам: первый путь - Муминабад - Даштиджум - Калаи-Хумб; второй - Муминабад - Ховалинг - Сангвор). При прогоне мелкого рогатого скота надо было платить беку или амлякдару с 40 голов баранов - одного, за выпас стада по пути на пастбище.

Весной стадо гнали только вдоль реки, пасли на прибрежной траве. Осенью (в октябре-ноябре), возвращаясь с пастбища, скот гнали по стерне, выпасая его там же. За это ни-

чего не платили, так как навоз шел на удобрение полей.

В середняцких хозяйствах у таджиков бывшего Кулябского бекства первое место принадлежало земледелию, второе - скотоводству. Средняцкие хозяйства имели обычно 30-50 голов мелкого рогатого скота, 5-6 коров, 2-х волов, лошадь и осла.

В Муминабадской и Ховалингской группах кишлаков мелкий и крупный рогатый скот ежедневно по утрам выгоняли на близлежащие пастбища в окрестных горах, а вечером пригоняли обратно в кишлак. Корма на зиму заготавливали обязательно.

На террасах горных склонов пахотные земли (гандум дарав) чередовались с сенокосами (реша). И та и другая категория земли закреплялась за определенным хозяйством в наследственное владение. Пастбищными землями (падачар) пользовались сообща все члены кишлачной общины. Если в кишлачную общину входило новое хозяйство, купившее пахотную землю, то оно должно было уплатить налог (хасона) на право пользования пастбищем. Границы пастбищ, определенные в древности, все знали очень твердо. Наемных чабанов здесь не было, пасли по-очереди. Каждое хозяйство в свою очередь выделяло человека на один день для пастбы и охраны стада.

В кишлаках группы Гыша (несколько севернее Муминабада) весной (в марте) выгоняли скот на пастбище вблизи кишлака и выпасали его там, не возвращаясь в кишлак вечером. При появлении всходов на полях, скот отгоняли на пастбище (девлох) более отдаленное (на 10-15 км) от кишлака и от полей со всходами. После жатвы и уборки урожая скот (в сентябре-октябре) пригоняли в кишлак и выпасали на стерне. В холодное время года (с ноября по март) скот находился на стойловом содержании, в хлевах. Кормили его сеном, соломой, подкармливали люцерной. У таджиков Кулябского бекства широко были распространены так называемые "молочные артели" (пейвоз, наубати шир), организуемые для заготовления впрок молочных продуктов. В кишлаках группы Гыша на летние пастбища месяца на три выходили женщины от каждой семьи (соблюдая в ней ежегодную очередность). Они на пастбище заготавливали впрок молочные продукты.

Полукочевые узбеки разводили мелкий и крупный рогатый скот, лошадей (только для верховой езды), верблюдов, ослов.

У узбеков-локайцев скот содержался круглый год на отдаленных от селения пастбищах. Коров обычно выпасали вблизи кишлака. В бедняцких хозяйствах скота было мало, и все виды его пасли круглогодично на близлежащих пастбищах. Ни хлебов, ни кошар не строили. Каждый хозяин выпасал свой скот сам (с помощью некоторых членов семьи) или несколько хозяйств объединялись и за натуральную плату нанимали одного чабана.

Байские хозяйства у локайцев владели крупными отарами овец и табунами лошадей. Эти хозяйства занимались табунным коневодством и обычно нанимали чабанов и табунщиков преимущественно из полукочевых узбеков (карлуков или локайцев). На пастбище чабаны для собственной потребности сами доили скот, а женщины в кишлаках объединялись в артели для заготовления впрок молочных продуктов. Полукочевые узбеки, в отличие от таджиков, лошадей доили.

И таджики, и узбеки выпасали и охраняли скот с пастушеской собакой.

Анализируя изложенные материалы, можно сделать заключение о том, что на территории бывшего Кулябского бекства было распространено скотоводство нескольких типов: стойлово-пастбищное (у таджиков муминабадской и ховалинградской групп кишлаков), яйлажное (у таджиков группы Гыша), пастбищное (у узбеков-локайцев).

Развитие товарно-денежных отношений в Кулябском бекстве на рубеже XX века обусловило и появление байских хозяйств, занимавшихся товарным скотоводством.

У населения изолированных долин Западного Памира, где хозяйство в основном носило натуральный характер, скотоводство удовлетворяло потребности семьи и занимало в ее хозяйстве почти одинаковое место с земледелием. Единичные богатые хозяйства имели много крупного и мелкого рогатого скота, но товарным скотоводством не занимались.

У народностей Западного Памира скот выпасался на высокогорных пастбищах. Практиковались вертикальные перекочевки.

У язгулемцев, рушанцев, бартангцев, шугнанцев долины Пянджа скотоводство было яйлажного типа. Разводили круп-

ный и мелкий рогатый скот, лошадей, ослов (верблюдов - только рушанцы и бартангцы). У ваханцев и шугнанцев долины Шахдары яйлажное скотоводство сочеталось с отгонным. Кроме перечисленных видов скота на высокогорных пастбищах в Джаушангозе выпасали яков (кутасов).

Каждая патронимия (каум или авлод) имели свои определенные пастбища. Весенние пастбища были вблизи кишлака. Здесь скот набирал силу, легче было производить стрижку овец, коз, верблюдов. Яков стригли на пастбище. Затем, когда вблизи кишлака появлялись всходы, а летние пастбища очищались от снега и покрывались травой, скот перегоняли туда. Там было прохладнее, скот нагуливал вес на хороших зеленых естественных кормах. Когда в горах выпадал снег, а с полей был убран урожай, животных перегоняли на весенние пастбища, где за лето снова вырастала трава.

На летовки от каждой семьи, соблюдая очередность, отправлялось 2-3 женщины. Они доили скот: коров, самок яков, коз и, в отличие от таджиков Куляба, овец (козье и овечье молоко смешивают), заготавливали молочные продукты впрок. Молочные артели женщин были распространены только у язгулемцев и бартангцев. Чабан на летовке обычно жил с семьей. За свой труд чабан (член данной патронимии) обычно получал натуральную плату. В каждой патронимии (авлоде) здесь соблюдалась ежегодная посемейная очередность выделения пастухов.

Ваханцы и шугнанцы долины Шахдары выпасали скот на высокогорных пастбищах центрального Памира, обычно в Джаушангозе. Кутасы и верблюды летом пасутся без пастуха. Яки выпасаются обычно на высоте около или выше 4000 м над уровнем моря. Пастухи ездят на верблюде или на яке, так как лошадь такой высоты не выдерживает.

Осенью крупный рогатый скот (кроме яков) пригоняли в кишлак и выпасали на стерне. Мелкий рогатый скот хорошей упитанности оставляли на пастбище. Слабых овец и коз осенью и зимой держали в кишлаке, специально заготавливая на зиму корма.

Собранный материал показывает связь типов скотоводства

и видов разводимого скота с природной средой, особенно с климатом и рельефом местности, а также с уровнем экономического развития народа.

Терминологический материал, относящийся к породам скота и возрастному его делению, подтверждает важное значение скотоводства в хозяйстве таджиков Южного Таджикистана и припамирских народностей высокогорных долин Западного Памира.

Собранный материал окажется полезным при работе по составлению Историко-этнографического атласа народов Средней Азии и Казахстана.

Р.Я.Рассудова

О ПЕРЕЖИТКАХ ОБЩИННОГО ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX в. В ТАШКЕНТСКОМ ОАЗИСЕ

Собранные в 1970 году полевые материалы позволяют рассмотреть вопрос о состоянии пережитков общинных отношений в Ташкентском оазисе в начале XX в.

Население в дореволюционное время состояло из узбеков (их в литературе иногда называли "киргизами", т.е. казахами), таджиков, курамы (осевших и утративших свое родоплеменное деление узбеков, смешавшихся с казахами и каракалпаками) и сартов (не имевших родоплеменного деления узбеков). Расселение этих народов и групп прослеживалось довольно четко. Узбеки ("киргизы") в 70-х годах XIX века кочевали в бассейнах рек Чирчика и Карасу, где они составляли примерно 20 тысяч семейств (кибиток). В бассейне Ангrena их насчитывалось всего 300 семейств.^I Основным районом расселения курамы (11093 семейств) являлся бассейн Ангrena, на Чирчике же они отсутствовали полностью. Компактно проживали и таджики (1663 дворов), зани-

мая менее доступные горные ущелья. Сарты же жили везде и нигде не составляли сплошного населения. Больше всего они были сосредоточены в довольно крупных центрах Пскент, Паркент, (ниже Ташкента по Чирчику), а также в селениях, расположенных на горных террасах (Сайлык, Намдела, Турбат); их насчитывалось 4393 двора. Таким образом, преобладающим населением являлись узбеки т.е. полукочевники; оседлое население - курама, таджики и сарты - составляло немногим более трех пятых от общего числа кочевников. Я работала в селениях, где проживали сарты, таджики и курама.

Ташкентский оазис, известный вначале как Кураминский, а затем Ташкентский уезд, располагается в бассейне таких крупных рек, как Келес, Чирчик и Ангрен. Эти реки начинаются в восточной горной части оазиса и текут в юго-западном направлении. Чирчик на 35-ом км от своего истока дает первый отвод, Зах-арык (у сел. Сайлык). После этого ответвления бассейн реки образует долину (ширина 35 км), пересеченную множеством каналов. Ангрен используется населением для орошения в самом предгории благодаря выведенным здесь арыкам, а в средней части также благодаря затоплению первой террасы. В низовьях русло Ангrena покрывается галькой, терраса переходит в высокую холмистую степь. По мере приближения рек Чирчик и Ангрен к Сыр-Дарье водораздел между ними исчезает, и их бассейны соединяются в одну долину.

В горных и предгорных частях оазиса население занималось в основном неполивным земледелием и скотоводством. На неполивных землях (дала, кайраки) предгорий крестьяне сеяли озимую пшеницу и ячмень; поливные же земли (майдан, курук, кура), имеющиеся в незначительном количестве, отводили под зерновые, под клевер, а также под виноградники и огороды. В ряде мест подспорьем в хозяйстве были плоды диких яблонь, груш и орехов, которые население собирало регулярно. В долинной части Ангrena и Чирчика крестьяне возделывали те же культуры, что и в предгорьях и горах, однако в ином соотношении. Здесь зерновые, особенно злаковые, также занимали первое место, но их преобладание было незначительным.

I М.А.Терентьев. Статистические очерки Средне-Азиатской России, СПб, 1874, стр:74

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
им. Н.Н. Миклухо-Маклая

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Института этнологии и антропологии РАН

Москва 2001

Л.Ф. Моногарова

Современный городской квартал в Таджикистане (1970–1990 гг.)

Изучение этнографических аспектов жизни современного городского квартала в Таджикистане представляет особый интерес в связи с конфликтной ситуацией в общественно-политической сфере республики.

Данная статья основана на материалах полевой работы в семи городах Республики Таджикистан: Душанбе (1970–1991), Кулябе (1974–1975, 1979–1982), Ура-Тюбе (1974–1982, 1986), Орджоникидзебаде (Кафирнигане) (1973–1990), Исфаре (1974–1982, 1986), Турсунзаде (1973–1990) и Хороге (1964–1970, 1973–1974, 1977–1980, 1982–1984), репрезентативно отобранных автором для изучения современной городской семьи таджиков. Кроме бесед с информаторами, проживавшими в квартале или многоквартирном доме, и непосредственных наблюдений, использована первичная подомовая статистика (поквартальные домовые книги, имевшиеся в каждом квартальном комитете и поквартирные — в жэках). Статистические данные этих книг дают достаточно полную характеристику формы и структуры каждой семьи, её численность (людность), детность, социально-профессиональную и национальную принадлежность, а также образование и место работы (или учебы) каждого её члена. Интересные и оригинальные материалы получены после обработки на ЭВМ данных массового анкетного опроса, проведенного среди городских семей в упомянутых выше городах Таджикистана (в 1982 г.).

Основная территория современного Таджикистана — Восточная Бухара — самобытная часть Бухарского эмирата, где еще в начале XX века преобладали патриархально-феодалные отношения и натуральное хозяйство.

В северных районах современного Таджикистана, присоединенных к России в 1867 г. и составивших часть Туркестанского

товарного хозяйства. Однако как для городов Восточной Бухары, так и для городов, вошедших в Туркестанское генерал-губернаторство, характерна аграрная основа хозяйственной жизни. Большинство жителей в городах, даже в крупных центрах ремесла и торговли этого региона, сочетали в начале XX века занятия ремеслом и земледелием.¹

В этом отношении города Таджикистана, основное население которых преимущественно составляют таджики, близки городам Афганистана, в которых также преобладают таджики².

Процесс урбанизации, протекавший до установления Советской власти в Таджикистане, аналогичен процессу урбанизации в Афганистане в 60-е годы XX века.

Основная масса горожан (семьями или отдельные члены семьи) с наступления весны переселялись в свои сады близ пахотных участков в окрестностях города и жили там 5–6 месяцев. Они занимались земледелием, садоводством и держали скот. Занятия сельским хозяйством давало горожанам сырье для ремесленного производства, продукты питания, а от продажи излишков зерна, фруктов и овощей, мяса, молока получали существенный доход.

В изучаемое время определенную долю городского населения составляли колхозники, то есть члены городской семьи, работавшие в пригородных колхозах и совхозах, то есть сельскохозяйственные рабочие. Это характерная черта урбанизации в Таджикистане.

В жизни каждого города этого региона в прошлом его торговые функции были тесно связаны с ремесленным производством и часто изделия мастеров (кузнецов, токарей, гончаров, ювелиров и других), имевших лавки-мастерские в базарных кварталах, изготавливались и продавались тут же, на месте. В 1970–80-е годы это можно было наблюдать на базарах в городах Таджикистана и Узбекистана.

Среднеазиатский город делился на кварталы — *гузар* (тадж.), *махалля* (узб.). Каждый квартал представлял собою социальный институт — городскую соседскую общину³, регулировавшую взаимоотношения жителей квартала в обществе и семье, формировавшую общественное мнение и игравшую важную роль в городской жизни.

Городской квартал был и административной единицей. В

формировавшую общественное мнение и игравшую важную роль в городской жизни.

Городской квартал был и административной единицей. В изучаемое время в Таджикистане активно функционировали избираемые населением квартала специальные комитеты, называемые «Домком». Эти квартальные комитеты сохраняли определенное влияние в городской таджикской среде, а общественное мнение квартала в различных сферах быта, в том числе в семейной обрядности, имело определенное значение для живущих в нем семей. Они связаны традиционными общинными отношениями, которые учитывались городской администрацией, что получило отражение в специальном документе: «Положение об уличном (квартальном) комитете в индивидуальном жилищном фонде»⁴.

В «Положении» отмечено, что уличный (квартальный) комитет является органом общественной самостоятельности населения и создается по территориальному признаку в городах и поселках городского типа, где имеется индивидуальный жилищный фонд, для оказания содействия государственным органам в управлении жилищным фондом и в осуществлении общественного контроля за соблюдением гражданами правил содержания жилых домов и придомовых территорий. Деятельность уличного (квартального) комитета определялась исполнительным комитетом городского, районного (в городе), поселкового Совета народных депутатов в пределах одной или нескольких улиц, или части улицы, либо квартала. Данный комитет избирался открытым голосованием сроком на два года на собрании граждан, проживающих на подведомственной ему территории, в составе председателя, секретаря и не менее трех членов. В обязанности этого комитета входила выдача справок об имущественном и семейном положении, о месте жительства и прописке, справки лицам, впервые поступающим на работу, в специальные средние и высшие учебные заведения, а также о потребностях в строительных материалах, топливе и т. п.

Из анализа полевых материалов следует, что семья таджиков, как и других народов Средней Азии и стран зарубежного Востока, не автономна даже в повседневной жизни, она является ячейкой

стоящего над нею традиционного кровнородственного социального института — семейно-родственной группы (патронимии: *каума, авлода*)⁵. В этом отношении большой интерес представляет статья В.И. Бушкова о роли авлода в общественной жизни таджиков и памирских народов; в условиях социальных преобразований в Таджикистане второй половины XX века он проявил «исключительно высокие адаптационные возможности». Автор показывает, что «даже в условиях последних десятилетий не произошло становления индивидуального, личностного сознания. Сознание осталось в полной мере общинным, авлодным. Интересы рода продолжают превалировать над интересами отдельной личности или малой семьи. В этой ситуации становятся понятными многие коллизии общественных отношений в Таджикистане, особенно связанные с нарушением законов»⁶.

Статья В.И. Бушкова была написана и опубликована в 1991 году перед ликвидацией Союза ССР, куда входила Таджикская ССР, и государственные законы справедливо характеризуются им как «носящие преимущественно личностный, индивидуализируемый характер, регулируя поведение отдельной личности, тогда как сознание населения осталось преимущественно коллективистским, в том числе и в правовом плане (адат и, частично, шариат)»⁷. В связи с этим следует отметить, что в настоящее время актуальна проблема «адаптации различных этнических культур к требованиям современной индустриальной цивилизации»⁸. И.М. Кузнецов считает, что культуры с типом самоопределения личности через иерархию являются продуктом и отражением докапиталистических систем общественных отношений; формы ее самоопределения через деятельность являются отражением в культуре и сознании людей тех или иных стадий развития капиталистических и посткапиталистических отношений и что первый тип самоопределения характерен для этносоциальных общностей как у народов бывшего СССР, так и за рубежом, где современная индустриальная цивилизация наложилась непосредственно на докапиталистические социальные системы. Второй тип — общности, в которых капиталистические отношения явились имманентной, то есть внутренне присущей, а

не стимулированной извне ступенью развития. И.М. Кузнецов отмечает большую этнокультурную вариативность общностей с доминированием первого или второго типа самоопределения⁹.

Исследования, проведенные мною, позволяют отнести таджиков и памирские народы¹⁰ к культурам с доминированием первого типа — самоопределения через иерархию, но уже эволюционирующим ко второму типу (особенно в городе) — самоопределения через деятельность.

Человек у таджиков и памирских народов производит в основном оценку своих поступков, действий и решений с позиций членов своей группы родственных семей (патронимии) и общности квартала, в котором он живет; у мужчин в плане самооценок и самоопределения личности велико значение влияния друзей (*джура*). Это члены одного из традиционных мужских товариществ, объединяемых чаще по возрастному принципу и собирающихся вместе для развлечений и коллективных трапез.

На основании вышеизложенного понятно внимание, проявлявшееся администрацией города к функционированию одной из составляющих частей территориальной структуры города — кварталу, представляющему, как было отмечено выше, и в период проводимых полевых работ своеобразную городскую соседскую общину, формировавшую общественное мнение микросреды обитания семьи и личности.

В старом городском квартале соседи часто принадлежали к одной семейно-родственной группе (патронимии), связаны были родственными и соседскими узами, но во многих кварталах живущие в них семьи часто относились (и относятся) к нескольким патронимиям. Если члены одной патронимии вынуждены после переселения жить в разных районах города, то между её семьями поддерживаются тесные родственные связи, проявление которых разнообразно в различных сферах быта, в том числе и в семейной обрядности. Патронимические родственные связи не рвутся при расселении, тогда как соседи, оказавшись после переселения в разных частях города, избирательно продолжая сохранять дружеские отношения с друзьями из старого квартала, вступают в новые городские соседские общины. Тесные соседские отношения с

жителями старого квартала сменяются новыми взаимоотношениями. Семейно-родственные (патронимические) взаимные обязательства сохраняются даже в том случае, если семья переехала и в другой город.

Социализация личности на протяжении её взросления является функцией не только семьи, в которой родился ребёнок, — в этом принимали активное участие и члены его патронимии, и соседи по кварталу; впоследствии в определенном отношении — школа и различные общественные организации. Но первичная социализация личности, усвоение ею этнических традиций, терминологии родства, взаимоотношений с членами своей семьи и с членами собственной патронимии, с соседями по кварталу происходило с младенческих лет именно в семье и патронимии. Важное значение при этом имела социально-профессиональная принадлежность родителей и других членов семьи, а также в какой семье, малой или неразделенной, родился и воспитывался ребенок. Есть ли старшее поколение (дедушка, бабушка), однонациональная или национально-смешанная семья, проживала она в старом квартале или в новом городском микрорайоне в многоэтажном доме.

За годы пребывания Таджикистана в СССР многие его города стали крупными центрами промышленности (индустриальной, в т. ч. химической), строительной, легкой (в т. ч. пищевой и т. п.). В этих городах выросли новые кварталы многоэтажных домов. Однако в ряде городов, таких как, например, Ура-Тюбе (Уротеппа), Куляб (Кулоб), Исфара и других еще не все старые кварталы были снесены, а жившие в них горожане в большей мере сохраняли традиции квартальной общины по сравнению с переехавшими в многоэтажные дома новых микрорайонов.

В Таджикистане членами квартальной общины являлись все жившие в квартале семьи, независимо от национальности. В таджикском квартале встречались одиночные семьи узбеков, а в узбекском жили таджики. Во время сбора полевого материала в одном квартале жили и семьи русских, и татар, и памирских и других народов. Главы их семей обязательно принимали участие в обсуждении общественных дел квартала, их приглашали на торжественные трапезы по случаю народных и семейных

праздников и они, если было желание и позволяли обстоятельства, принимали в них участие.

В каждом старом городском квартале имелось специальное помещение домкома, где работали председатель и секретарь, собирались члены домкома для обсуждения различных квартальных дел. В нем хранились необходимые документы. Здесь обычно был телевизор и почти ежедневно, как в клуб, сюда приходила мужская половина квартала, смотрели телевизионные передачи, обсуждали новости общественной жизни, предстоящие общие хозяйственные дела (например, коллективная чистка арыков и т. п.) или коллективная помоч (*хашар*) по случаю постройки дома, или предстоящие семейные обряды в одной из семей квартала, в которых принимали участие все живущие в квартале или, если квартал многонаселенный, то главы семей с супругами, как «представители» от каждой семьи. Обычно в квартале близ домкома располагалась лепешечная, что было очень удобно для мужчин квартала, обычно собиравшихся провести время за пиналой чая.

При домкоме имелось и специальное помещение, где хранили общественные предметы и утварь (больших объемов котлы на 200-250 кг риса для варки плова, чайники, пиналы, чаши (*коса*) и т. п.), необходимые для торжественных трапез по случаю свадьбы (*туи никох*), обрезания (*писари туи, туи хатна или туи суннати*) и других семейных обрядов, а также по случаю таких торжественных трапез как празднование Нового Года (*Навруз* 21-22 марта), в котором активно участвовали все члены квартальной общины. Обязательно приходили и даже приезжали из отдаленных местностей родственники из патронимии семьи, отмечавшей торжественное (или печальное) событие, а также соседи, друзья.

Если приехавшим гостям трудно было разместиться на ночлег в доме хозяина, то их обязательно приглашали к себе другие родственники и соседи, зная, что в подобной ситуации им будет оказана такая же помощь. Тем соседям (таджикам, узбекам, русским и другим), которые по какой-либо причине не могли принять участия в торжественной (или поминальной) трапезе, посылали каждому его «долю» — плов в чашке-кесе, покрыв его лепешкой, сладости.

В городах Северного Таджикистана по традиции в каждом квартале перед праздником Нового года выбирали специальных профессиональных распорядителей — *ходим* — женщину, *пайкол* — мужчину, *ошпаз* — повара, *нонпаз* — пекаря, хорошо знающих циклы всех ритуалов на общественных и семейных праздничных трапезах и церемониях. В каждом квартале были и специальные профессиональные обмывальщики покойного — *мурдашун*. В Южном Таджикистане у горных таджиков и памирцев по традиции распоряжался кто-либо из родственников хозяина; обмывали умершего близкие родственники.

В изучаемое время за порядком при проведении торжественных трапез следил и сам председатель квартального комитета (домкома). Наиболее расторопные из жителей квартала получали задания: один обслуживал приходящих гостей, другой отвечал за приготовление чая, лучший специалист по приготовлению плова отдавал распоряжения своим помощникам резать морковь, лук, чистить и мыть рис и т. п.

Среди членов одной патронимии традиционно бытовала материальная взаимопомощь. В квартале проживали семьи разных патронимий. В большинстве своем они прежде занимались одним определенным ремеслом, по которому часто и назывался квартал. Например, в г. Ура-Тюбе сохранившиеся старые кварталы, в которых автором проводились исследования, назывались: Олкорон (красильщики), Осие-тузук-кунон (строители-ремонтники водяных мельниц), Сарта-рашон (брадобреи). Реже встречались другие названия, в том же Ура-Тюбе — Мазори кучкорак (противоположные мазары) и Масджити Сафед (Белая мечеть), в которых жили священнослужители или их потомки.

Во время проведения полевых работ в Душанбе в октябре-ноябре 1991 г. информаторы из домкома квартала по улице Амиршоева, состоявшего из домов индивидуального жилищного фонда (в т. ч. и частных) с приусадебными участками, сообщили, что в связи с трудностями «перехода к рынку» и с «дороговизной», жители *гузара* по своей инициативе с каждой семьей, независимо от родственных отношений и национальной и социально-профессиональной принадлежности, собирали ежемесячно небольшую сумму.

Эти деньги находились на хранении у кого-нибудь из членов домкома. Когда у какой-либо семьи квартала (особенно малоимущей, многодетной) предстояла свадьба, обрезание или похороны, то из этих денег выделяли необходимую сумму на покупку продуктов для общественной трапезы: риса, масла, овощей, фруктов и т. п., чтобы приготовить достаточное угощение для гостей, так как по традиции прибывали родственники и друзья хозяина из разных районов города Душанбе и других местностей республики, а также сослуживцы. Если же приехавших из других местностей в доме хозяина оставить ночевать было негде, то их приглашали к себе не только родственники хозяина, но и соседи. Каждый глава семьи бывал в такой ситуации и его гостей всегда приглашал на ночь.

В каждом квартале стремились на свои средства построить специальное просторное помещение, где можно было бы собраться значительному числу людей на торжественные трапезы, особенно в холодное время года, а также проводить общие собрания жителей квартала.

С начала перестройки каждый квартал хлопотал о выделении места для постройки мечети, чтобы верующие могли ходить туда для совершения молитв — намаз, особенно это необходимо старикам, которым трудно ходить далеко от дома. В квартале (в начале улицы Амиршоева) уже построена и функционирует мечеть. Мухаммад кричит с минарета, сообщая о времени наступления очередной молитвы. Из верующих мужчин все те, кто может, собираются в мечети, а женщины молятся дома (для мусульман-суннитов обязательна пятикратная молитва в сутки).

В 1991 г. в дни мусульманского религиозного праздника «Иди Курбон» верующие мужчины, купив вскладчину продукты и барана, устроили коллективную трапезу перед мечетью. Женщины только ходили друг к другу в гости, принося с собою угощение, приготовленное дома.

По обычаю, каждый глава семьи должен в дни праздника с угощением (достарханом)¹¹ навестить всех своих одноквартальцев.

Жившие в одном квартале считали, что в индивидуальных домах в *гузарах* жить удобнее по многим соображениям: быстрой

взаимопомощи, а также помощи в воспитании детей и подростков. Одноквартальцы (на улице Амиршоева проживало 120 семей) близко знакомы семьями, мимо озорников не проходили равнодушно; одергивали их, делали замечания и старшие ребята, которым с раннего детства внушали почтительное отношение к старшим.

На центральных улицах Душанбе, если подростки безобразничали, их также останавливал и стыдил кто-либо из прохожих, но здесь «анонимность» большого города позволяла им иногда не обращать внимания на замечание незнакомого человека, убежать или даже дерзко ответить сделавшему замечание.

Праздник Иди Курбон в 1991 году пришелся на три дня, 23, 24 и 25 октября. Отмечали этот праздник и в квартале на ул. Шевченко, прилегающей к центральным улицам, где расположены одно- и двухэтажные дома. Все жители появлялись на улице нарядно одетыми. Многие дети в эти дни не посещали школу. Соседи по кварталу навещали друг друга, гости обязательно приносили с собой дастархан с гостинцами, уходили с таким же «отдарком». Из-за перебоев в торговле мясом на рынке и высоких на него цен, во многих семьях плов не готовили: угощение состояло в основном из сладкой выпечки — хвороста и жареных в растительном масле комочков теста *баурсак*. Соседей посещали и русские женщины, супругами которых были таджик или узбек.

Если по какой-либо причине от семьи (таджикской, узбекской или русской) никто не мог прийти к соседям в гости, им приносили угощение и получали от них «отдарок» на том же блюде (обычно конфеты, печенье и т. п.).

Интересны в связи с вышеизложенным сведения об общественном быте жителей новых микрорайонов в городах Таджикистана, в частности, в столице республики — в городе Душанбе¹².

В 1981-м году девятиэтажный дом на 108 квартир был заселен в основном таджикскими и узбекскими семьями, русских и других — всего несколько семей. В первом блоке поселились семьи, переехавшие из разных концов города и работающие в различных системах народного хозяйства, во втором — в основном сотрудники Академии наук Республики Таджикистан, в третьем —

сотрудники Гостелерадио Таджикистана, то есть в каждом из двух последних блоков поселились коллеги, знакомые. Следует принять во внимание также и сходство в семейном и общественном традиционном быту таджиков и оседлых узбеков. После заселения дома жители двух последних блоков выбрали старшего по дому. На собрании жители изъявили желание оборудовать и благоустроить площадку перед домом для проведения общественных, а также и семейных торжеств, праздников (*туи*), в которых по традиции принимали бы участие кроме родственников и знакомых и соседи, поскольку все семейные торжества и похоронно-поминальные ритуалы носят общественный характер, а в данном случае многоквартирный дом аналогичен кварталу. В доме проживают в основном таджики, у которых родители или деды переселились в Душанбе из разных городов и местностей Таджикистана (Ходжента, Канибадама, Ура-Тюбе, Куляба, Гарма, Джиргиталья, Хорога) и Узбекистана (главным образом, из Бухары и Самарканда). Семьи узбеков были в основном из Узбекистана (из Ташкента, Андижана, Коканда, Намангана и др.).

Для оборудования площадки от каждой семьи было внесено в «общий котел» по 5 рублей (в ценах 1981 г.). В основном в этом мероприятии приняли участие таджики и узбеки, всего 53 семьи второго и третьего блоков. Купили цемент, камень-булыжник, песок, глину и железные трубы. Мужчины выровняли площадку, подняли фундамент, утрамбовали привезенную глину. К более легкой работе по обычаю привлекали и детей. В таджикской и узбекской среде детей и подростков привлекают к посильному (в зависимости от возраста) труду, особенно к участию в коллективном труде, где старшие передают им опыт и традиционные навыки. После сооружения площадки, жители домов приступили к озеленению: посадили хорошие сорта винограда, а на противоположной стороне — декоративные кусты «китайской розы» и 4 кипариса. На все эти работы ушло около двух лет. В течение этого времени были куплены для общего пользования котлы разных размеров, тарелки, чаши-косы, чайники, пиалы, ложки и т. п. Все эти предметы хранятся в подвальном помещении, ключ от него — у старшего по дому. К 1991 году эту площадку заметно

благоустроили. Городские районные власти, одобрив инициативу жильцов, также пришли к ним на помощь: площадку зацементировали, а вместо навеса от дождя возвели на столбах настоящую крышу. Жители дома уже в более благоустроенном месте проводили общественные трапезы по случаю свадеб, обрезания, а также поминок.

За день или два до такой трапезы глава семьи, в которой отмечали семейное событие, приглашал к себе более активных мужчин дома, и они сообща распределяли между собой обязанности по проведению *туя*: кому-то поручалось организовать музыкальное обслуживание, пригласить певцов, танцоров; на другого возлагали ответственность за приготовление чая; на лучшего повара — варку плова и т. п. Женщины дома оказывали помощь в выпечке пирожков-*самбуса*, лепешек-*катлама* (слоеных), тортов и т. п.

Если проводились похоронно-поминальные обряды, то соседи стояли рядом с родными умершего, встречали приходящих и провожали уходящих.

Несколько семей из соседнего дома (первого блока) тоже оборудовали такую площадку перед своим домом, но приняли участие в этом только 18 семей. Объясняется это, видимо, тем, что жильцы первого блока не были знакомы друг с другом до его заселения, так как работали в разных учреждениях, а живущие во втором и третьем блоках — сотрудники одного учреждения, знакомые. Им было удобно возродить традиционные квартальные отношения, особенно при проведении общественных трапез в народные праздники (Новый год «Навруз» и другие), а также и в семейные торжества. Современные квартиры не отвечают обычаю многолюдных торжественных трапез. Ведь собиралось до 200-250 гостей!

В старых кварталах при доме есть приусадебный участок, удобный для приема большого числа людей, а в повседневной жизни он обуславливает более тесное общение между соседями, особенно при участии в общественной помощи, семейной обрядности, о чем уже было сказано.

Традиционное «общественное мнение» квартала (или многоквартирного дома), в свою очередь, оказывает определенное

влияние на социализацию личности подрастающего поколения.

Средний размер семьи в Республике Таджикистан по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. был равен 5,7 чел., у таджиков-горожан — 6,6 чел., у таджиков, проживающих в сельской местности — 6,8 чел. В Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана — 7,2 чел. По переписи 1989 года Таджикистан по численности совместно проживающих членов семьи занимал первое место в СССР. По сравнению с другими республиками Средней Азии, он наименее урбанизирован. По данным 1984 года, доля городского населения (без разделения по национальностям) составляла только 34%¹³. Собственно городское таджикское население составляло 25%; 75% его — таджики сельских местностей.

В росте численности населения, как городского, так и сельского таджикского, основную роль играет естественный прирост. Многодетность объясняется как народными, так и религиозными традициями, поощряющими её.

Многие города Таджикистана характеризуются большой долей коренного населения, например, в Хороге — 88,1%, Ура-Тюбе — 86,7%, Канибадам — 77,3%, Пенджикент — 76,8%, Куляб — 73%. Чем выше этническая пестрота населения города, тем ниже его естественный прирост и наоборот, чем ниже этническая пестрота города, тем выше его естественный прирост. Среди городов, в которых проводилось изучение современной таджикской семьи, гг. Хорог, Ура-Тюбе, Куляб относятся к городам высокого, Исфара и Турсунзаде — среднего, а Душанбе и Орджоникидзебад — низкого естественного прироста населения.

Традиционные установки таджиков и памирских народов на многодетность, у которых в семьях число детей превышает 8-10 человек, без широкого распространения сознательного планирования семьи могут привести в недалеком будущем к демографическим осложнениям в республике. Многодетность не позволяет матери, если в семье нет ей помощников, совмещать материнские обязанности и ведение домашнего хозяйства с работой на производстве. Известно, что урбанизация оказывает влияние на плодovitость, снижая её. Как установлено в беседах с

информаторами женщинами, таджички-горожанки, имеющие высшее и среднее специальное образование, студентки, женщины, занятые в общественном производстве, начинают планировать число детей обычно после третьего-четвертого ребенка (часто в тайне от мужа и особенно свекрови).

Численность членов семьи, проживающих вместе, имеющих общий (или частично) бюджет, ведущих общее хозяйство, не определяет форму семьи. У таджиков-горожан, как и у таджиков сельской местности в настоящее время сосуществуют неразделенная и малая по форме семья.

Неразделенная семья у таджиков генетически связана с большой патриархальной семьей, являясь последней стадией её эволюции, и состоит из двух или более брачных пар с их потомством (или без него) и другими родственниками (или без них). Сохранение небольшого процента неразделенных семей у таджиков кроме объективных причин обусловлено и традицией минората, согласно которой младший сын, женившись, обязан по обычаю жить с родителями, заботясь о них.

Малая по форме семья составляет большую долю в общем числе семей таджиков и подразделяется на типы и подтипы. Малая полная семья состоит из одной супружеской пары с потомством или без него; малая расширенная включает супругов с детьми и других родственников, не состоящих в браке. Малая неполная семья не имеет брачной пары, а состоит из одного родителя (вдового или разведенного) с детьми, другими родственниками или без них, а также не состоящих в браке братьев и сестер, деда (или бабушки) с не состоящими в браке внуками т. п.

Таким образом, например, многочисленная из 12-14 человек семья супругов и их не состоящих в браке 10-12 детей является малой полной (нуклеарной) двухпоколенной семьей, а семья из 6 человек, включающая супругов, их женатого сына, внука и не состоящей в браке дочери супругов — неразделенной трехпоколенной.

За годы произошедших в Таджикистане социально-экономических преобразований, со времени вхождения его в состав СССР значительно уменьшилась доля неразделенных и увеличилась доля малых семей.

Соотношение долей малых и неразделенных семей (как и главенство в семье мужчины — мужа, отца или старшего брата) не зависит ни от функциональных особенностей города, ни от регионального его положения, ни от мозаичности населения. По сравнению с сельской, современная городская семья таджиков структурно характеризуется значительно большей долей малых семей с преобладанием нуклеарных (супружеская пара с детьми, реже без них) и расширенных малых.

Соотношение долей малых и неразделенных семей в определенной степени обусловлено уровнем социально-экономического развития и урбанизации, темпов жилищного строительства, но всегда доля малых превышает долю неразделенных семей, а по данным массового анкетного опроса 1982 г., доля неразделенных семей в целом по семи городам составила около 20% (доля отцовской семьи была 7,9%, доля семьи братьев — 4,1%).

Социальный состав семей таджиков в настоящее время неоднороден: в них представлены все социально-профессиональные слои современного городского населения (различные категории рабочих и служащих, в т. ч. интеллигенция — ученые, писатели, художники т. п., а также врачи, педагоги и другие; колхозники и рабочие совхозов), что характерно для Таджикистана и о чем говорилось выше. Если рассматривать состав семей по социально-профессиональной принадлежности отдельных членов семьи (а не супругов), то доля смешанных в этом плане будет выше: например, отец — рабочий, мать — домашняя хозяйка, сын — инженер, жена его — учительница средней школы, второй сын — студент, дочь — продавец, младшие дочь и сын — школьники; муж — шофер, жена — домашняя хозяйка, сын — врач-хирург, его жена — преподаватель университета, дочь — школьница, внук — дошкольник и т. п. Как отмечалось выше, многие домашние хозяйки — многодетные матери.

Полевые материалы и статистические данные, полученные в результате анализа поквартальных домовых книг, свидетельствуют, что по сравнению с семьями таджиков, проживавших в новых многоквартирных домах, жившие в старых кварталах, в которых проводилось изучение современной семьи

таджиков, характеризовалось большим числом пенсионеров и домашних хозяек. Например, социально-профессиональный состав жителей старых кварталов в Ура-Тюбе: рабочих — 170, служащих — 146 (в т. ч. учителей — 18, инженеров — 1), колхозников — 17, студентов — 8, домашних хозяек — 241, пенсионеров — 103, священнослужителей (мулл) — 3. В старых кварталах и улицах Исфары: рабочих — 267, служащих — 189 (в т. ч. учителей — 39, врачей — 4, инженеров — 4), колхозников — 236, студентов — 52, домашних хозяек — 204, пенсионеров — 90. В старых кварталах Куляба: рабочих — 121 (в т. ч. 51 шофер), служащих — 114, домашних хозяек — 142, пенсионеров — 25.

Таким образом, среди жителей старых кварталов впечатляет соотношение работающих и не работающих: в г. Ура-Тюбе на 333 работающих — 241 домашняя хозяйка и 103 пенсионера, то есть 344 не работают; в Исфаре на 692 работающих — 204 домохозяйки и 90 пенсионеров, то есть 294 не работают; в Кулябе на 235 работающих — 167 не заняты никакой работой. Учитывая многодетность семей таджиков, общее число иждивенцев (исключая пенсионеров) будет значительно выше.

Подавляющее большинство семей таджиков-горожан — однонациональные. Доля смешанных в национальном отношении браков очень мала и составляет от десятых долей процента до 6-7% в городах, причем это браки преимущественно таджико-узбекские или реже — узбеко-таджикские. Среди семей таджиков, проживавших в старых кварталах, мало национально-смешанных. Например, в Ура-Тюбе из 215 семей только одна национально-смешанная, в которой муж таджик, а жена — татарка. В Кулябе из 172 семей — 5 национально-смешанные: все мужья — таджики, в трех семьях жены — русские, в одной — узбечка, в другой — татарка. В Ура-Тюбе в новом микрорайоне «Фабричная» из 132 семей — 12 смешанные в национальном отношении: в 11 семьях мужья — таджики, в пяти семьях жены — русские, в пяти — татарки, в одной — немка. Интересна семья, в которой муж — русский, а жена — таджичка. У нее отец — таджик, мать — русская, и при получении паспорта в 16 лет она выбрала национальность отца.

При изучении выбора национальности подростками из национально-смешанных семей в семи городах Таджикистана, полевые материалы, в т. ч. данные паспортных отделов в городских отделениях милиции, свидетельствуют, что в случае смешанных браков таджиков и узбеков (преимущественно мужчин) с лицами другой национальности, подростки в подавляющем большинстве случаев выбирают соответственно таджикскую или узбекскую национальность.

В целом, семьи таджиков характеризуются стабильностью, господствует традиционное негативное отношение к разводам, они не одобряются; и родственники, и друзья стараются примирить супругов (главным образом, в интересах детей). Традиционная положительная личностная установка на нерасторжение брака; причем, по данным анкетного опроса, положительная установка на сохранение брака преобладает у жен. У таджиков показатель разводов значительно ниже в сравнении с показателем у горожан в целом, без подразделения по национальностям (показатели рассчитаны автором по числу разводов на 1000 человек).

Национально-смешанных браков мало, но тенденция изменения к ним отношения с негативного на положительное постепенно увеличивалась. Однако, анализируя статистические данные архивов городских ЗАГСов семи городов, где проводились исследования, можно сделать вывод о стойком сохранении эндогамности у таджиков, одобряемой общественным мнением, особенно в среде патронимии и квартальной общины.

Как было отмечено выше, таджики из старых кварталов, где жили в индивидуальном собственном или государственном доме с приусадебным участком, в новые микрорайоны переезжали неохотно (см. таблицу). Данные таблицы свидетельствуют о том, что в обследованных кварталах подавляющее большинство семей проживало в отдельных (собственных или государственных) домах (от 60% до 80% семей). На участке они проводили арык, имели огород, сад. При сносе старых кварталов, семьи переселяли в многоквартирные многоэтажные дома новых микрорайонов, предоставляя отдельные квартиры соответственно числу членов семьи, а многолюдным семьям, в том числе имеющим более 10 детей, выделяли по две многокомнатные квартиры (из 4-х-5-ти

комнат каждая) на одном этаже. Часто глава семьи решал обменять новые квартиры на отдельный дом с приусадебным участком в одном из еще не намеченных к сносу старых кварталов. Он обсуждал этот вопрос с женой, со взрослыми детьми, старшими членами патронимии, и в большинстве случаев такой обмен совершался. Таджики-горожане, проживавшие в старых кварталах в домах с приусадебным участком, часто держали не только домашних птиц (кур, индюков), но также овец, коз и коров, даже в столице республики – Душанбе. В одном из кварталов Хорога у жителей было всего 17 коров. Поэтому существовала очередность выпаса: каждая семья один раз в 17 дней выделяла одного человека (обычно юношу или мужчину), который выгонял скот с раннего утра и до захода солнца на примыкающие к городу пастбища. Так же было и в Кулябе, и в других городах, когда нанимали одного пастуха на весь квартал, а если пастбищ вблизи квартала не было, то скот находился на стойловом содержании.

Положительная традиция крепких родственных патронимических и квартальных соседских и земляческих связей, материальная взаимопомощь, воспитание полезных трудовых навыков у подрастающего поколения, приобщение к коллективному труду, социализация личности порою оборачивалась своей негативной стороной; это сказывалось при подборе кадров, особенно, когда человека выдвигали на должности не по знаниям и способностям, а по принципу родства или землячества. Для таджиков и памирских народов характерны сильные родственные связи с широким кругом родственников: каждая малая и неразделенная семья принадлежит к определенной патронимии – семейно-родственной группе, члены которой в большинстве проживают не только в городах, но и в сельской местности.

Территориальное разобщение семей, входящих в одну патронимию в условиях Таджикистана, учитывая тесные родственные отношения, не вызывало существенного ослабления родственных связей. Поддерживались постоянные контакты не только с родственными семьями своей патронимии, жившими в одном городе, но и с жившими в разных городах и кишлаках. Крепость родственных уз у таджиков подтверждают данные

массового анкетного опроса в 7 городах и 12 кишлаках. Треть сельских жителей посещала своих родственников, проживающих в городах, и сами принимали их у себя чаще всего один раз в месяц.

Традиционная установка на крепкую семью, тесные родственные связи, осуждение разводов положительно влияли на семейно-бытовую сферу таджиков и памирцев.

Являясь традиционным институтом общественной жизни, дошедшим к нам из предшествующей социально-экономической формации, патронимия, как и квартальная соседская община, обладала и функциями консервативного характера: и в городе, и в селе она выражала мнение старшего поколения, которое в определенной мере являлось противником инноваций, вносимых новыми условиями жизни, урбанизацией, влияющей на семейно-бытовую сферу, считая, что они «разрушают» национальное своеобразие народа. Это проявлялось в определенной доле браков, совершавшихся по совету родителей, в обязательном религиозном оформлении брака, практически часто совершаемом задолго до регистрации его в ЗАГСе, в бытовании мусульманского развода (*талок*), и окончательного развода *се талок*, после которого примирение супругов возможно было только после выхода (на несколько дней) разведенной женщины замуж за другого мужчину; и только после того, как он ей давал развод (*се талок*), — она могла снова совершить по шариату заключение брака со своим бывшим мужем.

Об отрицательном отношении к инновациям свидетельствует и негативное восприятие межнациональных браков (особенно, если брак заключен с лицом не мусульманского вероисповедания), а также получение девушками высшего образования и т. п.

Ярко проявляется зависимость становления этнонационального самосознания личности подростка в национально-смешанной семье от этнической мозаичности населения города, особенно от доли в нем жителей, которые преобладают в микрорайоне города или его квартала, где живет подросток, а также от того, в какой школе (с таджикским, узбекским или русским языком обучения) он учится, поскольку это в значительной степени определяет круг его общения.

В данной статье я постаралась обобщить характерные традиции

общественной и семейной жизни жителей городских кварталов в Таджикистане, а также в Узбекистане в гг. Самарканд и Бухара.

Влияние на жизнь семьи патронимии, а также соседской квартальной общины необходимо учитывать при изучении особенностей общественной жизни таджиков и памирских народов в последнее десятилетие XX века.

Этнонациональное развитие таджиков и памирских народов имеет свои региональные особенности. Последние, а также патронимические, квартальные и земляческие связи приобретали в конце XX в. определяющее значение в межнациональных отношениях и конфликтах в Таджикистане и его Горно-Бадахшанской автономной области.

Жилое помещение семьи (в %)
(по данным опроса 1982 г.)

Название города	Собственный дом	Отдельный госуд. дом	Отдельная квартира	В коммунальной квартире	Снимают жилье
В целом по семи городам	53,7	10,9	20,6	11,4	3,4

По отдельным городам (в %)

Название города	Собственный дом	Отдельный госуд. дом	Отдельная квартира	В коммунальной квартире	Снимают жилье
Душанбе	48	12	24,7	9,7	5,6
Куляб	50,7	12,5	18,1	16,3	2,4
Орджоникидзе-абад	72	8	9	11	-
Ура-Тюбе	66,3	9	9	12,4	3,3
Исфара	70,3	9,5	13,5	5,3	1,4
Турсунзаде	49,1	5,5	38,2	7,3	-
Хорог	46,8	7,9	28,1	15,1	2,1

- ¹ Колпаков А.П. Некоторые сведения о кварталах дореволюционного Куляба // Известия АН Тадж. ССР. Отд. общ. Наук. Сталинабад. 1954, № 5. С. 73-82; его же. Из недавнего прошлого Кабадиана // Материалы и исследования по археологии СССР. М.-Л., 1953, № 37. С. 302-303; Мухтаров А.М. Гузары города Ура-Тю-бе // Материалы по истории городов Таджикистана. Душанбе: Дониш, 1975; Турсунов Н.О. Сложение и пути развития городского и сельского населения Северного Таджикистана XIX—начала XX вв. Душанбе: Дониш, 1976; Юсупов Ш. К истории дореволюционного Душанбе (конец XIX—начало XX вв.). Душанбе: Дониш, 1988. С. 19, 24-25; его же. Очерки истории Кабадианского бекства в конце XI— начале XX века. Душанбе: Дониш, 1986. С. 81-98.
- ² Пуляркин В.А. Процесс урбанизации в Афганистане. Доклад на VII МКАЭН. М., 1964.
- ³ Сухарева О.А. Квартальная община позднефеодального города Бухары. М., 1976. С. 13-41, 324-341.
- ⁴ «Положение об уличном (квартальном) комитете в индивидуальном жилищном фонде» является составной частью «Положения о домовом комитете в государственном и общественном жилищном фонде». Утверждено постановлением Совета Министров Таджикской ССР от 7 августа 1985 г. № 246.
- ⁵ Моногарова Л.Ф. Проявление этнических процессов в семейно-брачных отношениях в городской семье таджиков // Семья. Традиции и современность. М., 1990. С. 176, 189, 191.
- ⁶ Бушков В.И. Таджикский авлод тысячелетия спустя... // Восток. 1991, № 5. С. 80.
- ⁷ Бушков В.И. Там же. С. 81.
- ⁸ Кузнецов И.М. Адаптивность этнических культур и этнокультурные типы самоопределения личности (к постановке проблемы) // Советская этнография, 1988, № 1. С. 15.
- ⁹ Кузнецов И.М. Там же. С. 19.
- ¹⁰ Основное население Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана составляют памирские народы, живущие в высокогорных долинах Западного Памира. Родные языки этих народов не имеют своей письменности и принадлежат к восточноиранской группе языков, тогда как таджикский — к западноиранской. Таджикский и памирские языки взаимонепонимаемы, как и памирские между собой (кроме языков путнано-рушанской группы). Языком общения у памирцев издавна является фарси (таджикско-персидский — дари). Верующие памирцы — исмаилиты (ответвление в шиитской секте ислама), а у таджиков — мусульмане сунниты. Многие столетия идет процесс естественной ассимиляции (ускоренный в годы Советской власти) памирских народов таджиками. Однако параллельно с ним с начала второй половины XX века усилился отмеченный автором процесс консолидации памирских народов в особую «памирскую» этническую общность, ядром которой стали путнаны. О памирцах следует упомянуть в данной статье, так как автором изучалась их сельская и городская семья в г. Хороге (см. Л.Ф. Моногарова. Преобразования в быту и культуре припамирских народностей. М., 1972; она же : Современная городская семья таджиков // Материалы к серии «Народы содружества независимых государств». В. VIII. Таджики. Ч. II. Современная городская семья таджиков М., 1992. С. 35-59; 83-85, 147-153.
- ¹¹ «Дастархан» — скатерть, которую расстилают на ковре или паласе, кошме перед сидящими за трапезой. На нее ставят блюда с едой, чай в чайниках, пиалы и т.п. Идя в гости, в неё завертывают угощение и другие предметы, приносимые в подарок.
- ¹² Информация жительницы дома Мадамиджановой Зухры, науч. сотрудника Института истории, археологии и этнографии АН Республики Таджикистан и непосредственные наблюдения автора (в 1990-1991 гг.).
- ¹³ Население Средней Азии. Серия «Народонаселение». В. 47. М.: Финансы и статистика. М., 1985. С. 5.

Е.С. Новикова, А.В. Фролова

Народный игровой календарь русских крестьян (по материалам Архангельской области)*

Население Архангельской области не может пожаловаться на невнимание со стороны этнографов, фольклористов к его традиционной культуре, однако необходимо сказать об отсутствии целенаправленного изучения игрового календаря как детского, так и взрослого, изучения игры и ее роли в контексте обрядовых праздников русских Архангельской области. Восполнить в некотором отношении этот пробел позволяют материалы экспедиций в Архангельскую область в 1990-1992 гг. (особенно интересны Холмогорский и Пинежский р-ны.).

Детские игровые традиции. Фольклор, относящийся к раннему периоду жизни ребенка, зафиксирован многими собирателями и исследователями¹, причем большее внимание проявляется к детским играм, игрушкам и забавам, но даже эти направления остаются недостаточно изученными и в уже имеющихся этнографических и литературных материалах содержится много пробелов. Не так много сведений об игрушках для маленьких детей. Покупная игрушка в крестьянской семье была редкостью и, как правило, малышам игрушки делали взрослые члены семьи. Информаторы вспоминают, что делали игрушки для своих детей с особым удовольствием². Простейшими погремушками для ребенка являлись нанизанные на веревочку катушки от ниток, бубенчики, привязанные над колыбелью ложки, различные берестяные коробочки, наполненные горохом или зерном, и другие предметы, издающие своеобразный звук. В материалах, особенно относящихся к XIX в.³, отмечается широкое распространение *шаркунков* (игрушки, издающей «шкворчащий» звук), которые изготавливали из бересты или собирали из деревянных деталей. По воспоминаниям информаторов,

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (гранты № № 01-01-18003е и 01-01-000006а)